

Дмитрий Мажоров

Дурак на холме

Рассказы

Дмитрий Андреевич Мажоров

Дурак на холме. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24503587

ISBN 9785448536021

Аннотация

Случайный взгляд незнакомки, пойманный на улице. Какая история скрывается за ним? Как ненароком брошенное слово повлияет на судьбу пятиминутного попутчика в метро? Немного фантазии и настроения, и из неспециальных встреч возникает новый мир, где реальность переплетается с вымыслом. Нужно только внимательно смотреть по сторонам. «Дурак на холме» – это сборник рассказов, написанных с 2012 по 2017 годы.

Содержание

Маршрут номер десять	5
Привычка	8
Варианты	11
Прекрасная дама	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дурак на холме

Рассказы

Дмитрий Андреевич
Мажоров

<...>

*And nobody seems to like him
They can tell what he wants to do
And he never shows his feelings*

*But the fool on the hill
Sees the sun going down
And the eyes in his head
See the world spinning around*

<...>

(The Fool on the Hill, The Beatles)

© Дмитрий Андреевич Мажоров, 2017

ISBN 978-5-4485-3602-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маршрут номер десять

Андрей Сергеев, тридцати двух лет, работает кондуктором на троллейбусной линии номер десять в Санкт-Петербурге, и есть у него две странности. Во-первых, он искренне любит свою работу, а во-вторых, убежденно не любит футбол. И если на конечной остановке, где-нибудь на Наличной улице, когда троллейбус высадит пассажиров и встанет в хвост длинной очереди в ожидании следующего рейса, какой-нибудь незадачливый гражданин подойдет к нему, записывающему очередную строчку в бланк отчетности, и спросит, почему так, Сергеев уберет огрызок карандаша, усадит собеседника на протертое место кондуктора и начнет бы так.

– Нет, ты скажи, чего ее не любить? Четкий график, два через два. Утром встал, бутерброд закинул, кофе залил, и порядок. До обеда покатался, потом домой, спать. Ты вот во сколько с работы приходишь? Когда как? Нет, братишка, у меня все по графику.

Скучно, говоришь? С чего вдруг? Думаешь, моя работа деньги собирать и талоны выдавать? Да как бы не так, я – чтец человеческих душ! За десять лет с лишним набрался опыта. Хочешь в рейсе на спор покажу тебе, кто не заплатил? Это я по лицу вижу и по глазам. Знает человек, что неправильно поступил, надо только его направить. Есть у меня метода одна, тут все в дело идет – жесты там, голос. Вроде как

спрашиваешь – «кто еще не оплатил?», а они понимают уже, про кого я. Подходишь поближе, смотришь в лицо прямо, и не отвертеться, стыдно, достают кошельки, платят. Есть, конечно, наглые, ну а мне что. Останавливаю маршрут, тут уж пассажиры сами с ними разбираются. Я никуда не тороплюсь, говорю же – график!

– А как же футбол? – спросит незадачливый гражданин, и Андрей непременно помрачнеет, почешет небритую щеку и мрачно буркнет в ответ.

– Нет, ты скажи, а чего его любить, а? Бегают без толку, мяч пинают, только время тратят свое и мое. Мое почему? Был у меня один случай. Раньше мне что футбол, что хоккей, что теннис какой-нибудь, все параллельно было. Только как-то раз, лет десять назад, когда я в ночные еще выходил, сели ко мне эти, в шарфах. Пьяненькие уже. Ну мне что, я подхожу, билеты им даю, они мне деньги. И тут один как заррет – «Парни, блин, это он!» и в меня пальцем тычет. Они все заржали, Андрей, говорят, Сергеевич, примите от нас в подарок шарф с эмблемой любимого клуба. Я не Сергеевич, а Сергеев, говорю, но им-то что. Повязали шарф, пивом попытались напоить, да потом вышли на Рубенштейна. А мне с тех пор футбол этот сниться стал. Причем, натурально, со мной в главной роли. Выхожу на поле, играю. Главное, получается нормально. Но потом наутро после таких снов с кровати не встать – все болит, как будто по-настоящему носился. Какая уж там смена!

Лунатик, говоришь? Не, сосед бы услышал, он у меня чуток спит, у него комната рядом с дверью входной. Меня даже как-то к врачу за счет конторы послали. Он меня выслушал и говорит, это у Вас, Андрей, от нервного переутомления и на фоне абстинентного синдрома. То есть на похмелье намекает. Может, и похмелье, конечно с усталостью, но футбол я не люблю, чего его любить, а?

В этот момент двери троллейбуса закроются, он сделает, наконец, круг по кольцу и встанет, но уже совсем не надолго, просто чтобы выдержать интервал. Незадачливый гражданин пожмет кондуктору руку и подойдет к выходу, размышляя над тем, что невысокий розовощекий, хоть и небритый Андрей, действительно похож на знаменитого игрока. И вполне возможно, найдет такое совпадение забавным, и улыбнется, представляя, как будет рассказывать эту историю своим друзьям. А Сергеев отправится в очередной рейс по маршруту номер десять. Он искренне любит свою работу, и убежденно не любит футбол. Поэтому никогда не узнает, что график его смен вот уже больше десяти лет с точностью до дня совпадает с необъяснимыми провалами в игре талантливого молодого футболиста из Санкт-Петербурга.

Привычка

Было около двух часов дня, когда Степа остановился перед небольшой деревянной церковью и привычным движением стянул с себя шапку. Церковь эта стояла посреди кладбища, куда он навещался пару раз в год проведать родителей: убрать с могилки опавшие листья, положить пару гвоздик, постоять в тишине, глядя на все больше темнеющие от времени портреты. Весна, несмотря на апрель, только-только начиналась: солнце хоть и слепило глаза, отражаясь от мокрого асфальта, но ветер дул еще холодный, острый. Степа размашисто перекрестился, поклонился в пояс и поскорее зашел внутрь.

Служба уже закончилась, так что людей было совсем немного. Какая-то старушка что-то шептала батюшке у алтаря. Батюшка слушал рассеянно, но терпеливо кивал. Престарелая мать с юродивым сыном обходили по кругу все иконы подряд, мелко крестились и прикладывались к каждой. В углу перед образом неподвижно, тенью стоял молодой мужчина. Возможно, был еще кто-то, но Степа присматриваться не стал. Он протянул заготовленные сто рублей в окошко, взял всегдашние три свечки и сдачу, которую тотчас же опустил в коробочку с надписью «На восстановление храма». Затем осторожно, чтобы никому не мешать, смотря под ноги, подошел к кануну.

«Отче наш...», – начал Степа и, дочитав молитву, первый раз поднял глаза на распятие. От торжественного спокойствия, которое шло от Спасителя, перехватило дух. Аромат ладана в одно мгновение перестал быть тяжелым и навязчивым. Свечи вокруг засияли, отражаясь от позолоченных подсвечников и окладов. Мысли стали путаться. «Смертью смерть поправ», – повторял с благоговением Степа про себя. Он понимал, что кусок пасхального богослужения сейчас не к месту, но совершенно не мог заставить себя вспомнить хоть какую-то подобающую молитву.

Постепенно первое волнение улеглось и наступило одухотворенное спокойствие. В голове возникли образы отца и матери. Они смотрели, как в фильмах: с чуть грустной улыбкой и понимающие кивали. И слова, уже свои, не заученные, шли так легко и свободно, что Степа дивился собственному красноречию. Закончив, он, воодушевленный, перекрестился, поставил свечку, приложился к распятию, отступил на шаг и еще раз осенил себя крестным знаменем. Все получалось очень правильно.

Торжественно, с замиранием сердца подошел Степа к иконе Божьей Матери, взглянул Ей в глаза и вздрогнул. Она смотрела с невыносимой любовью. Она знала о нем все. И все равно любила его, недостойного. И как маленький мальчик, который обидел маму, он начал просить прощения. За сдавленные, в подушку, чтобы не разбудить дочь, рыдания жены, которую избил в прошлое воскресенье, когда

пришел домой пьяным. За потускневшие глаза дочери, деньги на подарок ко дню рождения которой ушли на «добавку». За ледяное молчание брата, который отвез его в больницу, чтобы вывести из двухнедельного запоя, но откуда Степа сбежал.

Он медленно осел на колени и грязными ладонями закрыл лицо. «Помоги мне, Богородица, отжени эту мерзость, от нее все беды! На Тебя уповаю, Заступница! Без тебя мне не справиться, помоги, научи, как побороть. Знаю, что любишь всех нас, призри меня, недостойного, спаси и сохрани!» – и щетина на щеках скоро стала мокрой от слез. А Степа все кланялся, стоя на коленях, и просил, умолял, крестился и снова кланялся... Когда слова кончились, он встал и трясущейся рукой поставил свечку перед иконой. Потом коротко, заученно помолился перед аналоем и пошел на улицу.

На кладбище было светло и по-весеннему сыро. Степа шел быстро, ссутулившись и засунув руки в карманы пальто, чтобы не было холодно. Мыслей в голове не осталось, а теплилась только где-то глубоко внутри маленькая надежда, что теперь все будет по-другому...

Было уже начало четвертого, когда Степа привычным движением стянул с себя шапку, ежась от холодного ветра. Нашупав в кармане скомканные сто рублей, он шагнул внутрь небольшого прокуренного помещения с вывеской «Рюмочная».

Варианты

Юра Долгов, студент-медик первого курса, был немного пьян и пребывал в прекрасном расположении духа. Часы показывали еще только половину десятого вечера, а вечеринка, устроенная по случаю начала учебного года, уже выглядела многообещающей. Хотя бы потому, что кроме самого Юры, не обделенного внешними данными, в группе из пятнадцати человек учились только три парня. При этом оставшаяся «прекрасная половина» человечества демонстрировало чудесное разнообразие: скромные отличницы, «свои» девочки-пацанки, «аборигенки» из далеких поселков Крайнего Севера, утонченные айфонно-космополитонские дамы, в общем, выбор на любой вкус.

Желание подружиться было весьма сильным, поэтому к означенному часу у Юры в голове вертелась давнишняя шутка про то, что «студентки-физики пьют до потери сопротивления», тогда как «студентки-медики – до потери пульса». Тем более он уже присмотрел себе «запасной вариант». Соня, может быть, красавицей не была, но когда их взгляды пересекались, ее зеленые глаза смотрели так, как будто у Соны вдруг возникла какая-то удивительная светлая мысль, которой она очень хочет с ним поделиться. В общем, Юра был заинтригован, но от дальнейших поисков не отказывался.

Само действие происходило в шикарных апартаментах

Кристины Насоновой. Дореволюционный дом на Васильевском острове: капитальный ремонт, высоченные потолки, три комнаты и условие от родителей – никаких пьянок-гулянок. Поэтому все курящие (то есть, в принципе, все присутствующие) должны были в обязательном порядке перемещаться на кухню под вытяжку.

– Слушайте, а вот интересно, почему вы пошли на медицинский? – затягиваясь тонким «Вогом», спросила Кристина. – Со мной все понятно, предки-профессора, мне деваться некуда. Точнее после окончания есть, конечно. А вы-то? Связей нет, денег не заработать. С чего вдруг?

– У нас в городской больнице врачам квартиру дают, но ехать никто не хочет к нам. Отучусь – и вернусь, – скороговоркой выпалила Жанна с модными квадратными очками и феерически начесанной челкой. Жанна приехала откуда-то из Якутии. – Или устраюсь на газпромовские разработки, там фельдшеры нужны.

Все понимающе закивали.

– Я на стоматолога буду учиться. Там деньги-то есть, если устроиться, – протянула Ира. – «Если человек действительно чего-то хочет, то вся Вселенная будет способствовать тому, чтобы его желание сбылось».

– «Иногда нужно обойти весь мир, чтобы понять, что клад зарыт у твоего собственного дома», – тут же отозвался Паша, которому нравились «утонченные дурочки», как он сам их называл. Поэтому периодически Паша прочитывал в интер-

нете сборники цитат популярных авторов. Чтобы при случае блеснуть.

– Это какой-нибудь очередной просветленный Ошо? – небрежно бросил Юра.

– Это, между прочим, какой-нибудь Пауло Коэльо, – ответил Паша и получил в награду долгий внимательный Ирин взгляд. – Сам-то чего отмалчиваешься?

– Потому что у меня долгая и интересная история, а мы уже почти докурили.

– Да ладно тебе, давай, рассказывай, – загалдел народ со всех сторон.

– Хорошо, слушайте, – Юра выпустил в воздух сизую струю вонючего «Кэптан Блэк», затушил окурок и достал из пачки новую сигарилу.

– Когда я был маленьким, мы жили в доме напротив больницы. Не то чтобы прямо окно в окно, но угловые квартиры видели, что происходило в угловых палатах, вот так, – он взял две пачки сигарет и поставил их рядом друг с другом. – Там же, под нашими окнами, был въезд для машин скорой. Когда мне было скучно, я сидел и наблюдал, как они подъезжают с мигалками и выгружают больных на носилках. Потом доктора садятся обратно, и машина отправляется на следующий вызов. И так круглые сутки. Почти как телевизор, только без перерывов на рекламу.

Я сидел у окна и думал, что случилось и что дальше будет с этими больными. Парень на костылях, который вышел в со-

провождении друзей – не тот ли это больной, скорую с которым сопровождали несколько мотоциклистов? Пожилая пара с пакетами продуктов – не к той ли они девушке, которую привезли позавчера? В общем, был бы писателем – историй набралось бы на сборник рассказов.

А в какой-то из дней я вдруг заметил, что в палате на третьем этаже загорелся свет. Обычно угловые были темными, и мне стало интересно. Положили туда девочку примерно моего тогдашнего возраста – лет десяти. Девочку – потому что с косичками, всю забинтованную, лицо в зеленке. С неделю, наверное, она лежала, почти не вставая, под капельницами. Иногда ее увозили на процедуры. Потом начала потихоньку ходить. Как-то раз, помню, подошла к окну, посмотреть на улицу, я испугался, что она меня увидит, и спрятался за штору. Постепенно для меня это стало ритуалом: каждый вечер я садился и наблюдал, что происходит в палате напротив. Как она читает, рисует, что-то пишет в тетрадках. И вот что интересно – за все время ее ни разу никто не навестил. А потом вдруг она пропала. Выписали, конечно, но я помню разочарование, когда вечером увидел снова темное окно на третьем этаже. И на следующий день тоже. И еще через день. Тогда я и решил стать врачом, чтобы когда-нибудь встретить эту девочку из моего детства...

Эффект получился что надо. Девчонки смотрели на Юру во все глаза, парни сосредоточенно стряхивали пепел в пепельницы.

– Юра, слушай, ты, случайно, не здесь, не на Ваське жил тогда? – спросила, наконец, Маша. Рыжеволосая, длинноногая и очень привлекательная.

– Да, на 26 линии, это сейчас Покровская больничка.

– Я там примерно в это же время была. С мальчишками на заброшенную стройку полезла, перекрытия провалились.

– Врешь!

– Серьезно. Хочешь, у родителей спроси.

– А почему они к тебе не приезжали тогда?

– Приезжали. Ты просто не видел, они всегда со стороны двери садились.

По возможности трезво оценив обстановку, Юра понял, что «запасной вариант» уходит даже не на второй план. Через полчаса он и Маша со всеми попрощались и поехали к нему домой.

Глядя под одеялом мягкую Машину ногу, Юра думал о том, что в мире полно удивительных, но очень приятных совпадений. Маша, засыпая, прикидывала, сильно ли Юра теперь расстроится, если узнает, что в Покровке она никогда не лежала и уж, разумеется, никогда бы не полезла на заброшенную стройку.

А что на самом деле случилось с той девочкой, мог бы им рассказать врач-реаниматолог Арсений Григорьевич Ива-

нов. Который две недели боролся за нее у себя в интенсивной терапии. А потом почти месяц навещал в хирургическом отделении, ведь в той автокатастрофе погибла вся ее семья. А потом удочерил ее, потому что в первый день, когда она пришла в себя, он увидел большие зеленые глаза, смотрящие на него так, будто Соне в голову пришла какая-то удивительная светлая мысль, которой она очень хочет с ним поделиться.

Прекрасная дама

Плотно позавтракав, Анатолий Петрович Веселов взял со стола фарфоровую чашечку с горячим крепким кофе и неспешно прошествовал в кабинет. Сегодня нужно было закончить дело, которое он откладывал несколько месяцев. Идеальный порядок на столе подчеркивал важность события. Когда выдавший виды ноутбук загрузился, Анатолий Петрович положил пальцы на клавиатуру, подождал несколько секунд, собираясь с духом, и набрал короткий, давно продуманный текст.

Завещание

Я, Анатолий Петрович Веселов, находясь в здравом уме и трезвой памяти, завещаю в случае своей смерти передать все движимое и недвижимое имущество, а также денежные средства, которые будут находиться на тот момент на принадлежащих мне банковских счетах, Веронике Евгеньевне Абрамовой.

29.06.2015, А. П. Веселов

Затем он нажал на кнопку «печать», достал из нагрудного кармана перьевую ручку, отточенным движением расписался рядом со своей фамилией, отложил лист в сторону и задумался. Десять лет прошло со смерти жены, и он честно

доживал свой век: размеренная холостяцкая жизнь, работа на университетской кафедре, книги. Детей не было, близких родственников – тоже. Дальние были настолько дальними, что в поле зрения практически не попадали. До последнего времени, пожалуй, только лекции помогали ему держать себя в руках – ходить в парикмахерскую, покупать новую одежду, даже освоить компьютер: перед студентами было неудобно.

Вероника Абрамова. Забавно, а ведь как ее зовут, он узнал только через год, на экзамене по истории литературы, когда ставил в зачетку заслуженное «отлично». До этого момента она была для него, семидесятилетнего профессора, Юной Незнакомкой.

Все случилось само собой. В тот день он как раз заканчивал краткий обзор курса – было вводное занятие. Дверь открылась, и Вероника уверенно шагнула в аудиторию. Длинные русые волосы, кофта в разноцветную полоску, светлые джинсы и ярко красные кеды. Анатолий Петрович не любил опаздывающих и был сторонником одежды спокойных тонов.

– Как зовут Вас, прекрасная незнакомка? – спросил он с кафедры.

– Это легко узнать по вечерам, когда над ресторанами дик

и глух горячий воздух. Можно войти? – не думая ни секунды ответила Вероника. Анатолий Петрович опешил, но быстро пришел в себя.

– Хорошо, я обязательно побываю там, но только когда Ваш стан в туманном окне будет схвачен шелками, – намекая на ее внешний вид ударением на последнее слово, парировал он. – А пока проходите, и прошу Вас в следующий раз быть пунктуальнее.

Кажется, кто-то даже заоплодировал этой литературной пикировке. Вероника прошла в конец аудитории, села и достала планшет. С этого дня в жизни Анатолия Петровича все изменилось.

Она была удивительная. Он любил наблюдать за ней на лекциях и в перерывах. Знал, что когда она сосредоточена, тербит сережку, отчего потом ходит с горящим ухом. Когда расстроена – вертит крестик на груди, а когда в хорошем настроении – щурится, и глаза ее блестят, как море от яркого южного солнца. Он видел, что ей нравятся ребята со старших курсов. В отличие от сверстников, их она слушала гораздо внимательнее, не отшучивалась, а напротив, старалась показать свой уровень знаний. С ними при встрече подставляла щеку для поцелуя, тогда как однокурсникам просто махала рукой. Учиться ей было легко, она все схва-

тывала буквально налету, практически не прилагая никаких усилий.

Как человек образованный, он не раз размышлял над тем, как правильно определить его чувства к Веронике. Привлекательна, молода, свежа, но это не было физическое влечение. Отцовская любовь к взрослеющей дочери? Тоже нет, он оставался сторонним наблюдателем, не слишком радуясь ее успехам и не особенно переживая за неудачи. Но она совершенно точно что-то значила для него. Озарение случилось на одной из лекций.

– На рубеже двенадцатого-тринадцатого веков в Европейской литературе сформировался образ Прекрасной Дамы. Она была объектом служения любого уважающего себя благородного рыцаря того времени. Причем служения беззаветного, без какого-либо шанса на взаимность. Образ даже в какой-то степени трагический, поскольку Прекрасная Дама являла собой недостижимый идеал, – увлеченно рассказывал Анатолий Петрович, когда вдруг поймал на себе взгляд Вероники, и запнулся.

– В наше время тоже иногда можно встретить и Прекрасных Дам, и благородных рыцарей. Но о беззаветности служения и чистоте помыслов речь, как правило, уже не идет, – закончил он и снова посмотрел в конец аудитории. Вероника, широко улыбаясь, что-то набирала в планшет, периодически посматривая на подружку, сидящую через два ряда. Подружка, получив сообщение, не выдержала и захихи-

кала. Анатолий Петрович тяжело вздохнул и продолжил занятие...

Последний раз он видел ее на экзамене. Вероника пришла в легком летнем платье, веселая и беззаботная и смело взяла билет. Он смотрел, как она, прикусив язык, старательно пишет что-то на листе бумаги.

– Уже готовы, Прекрасная Незнакомка? – с некоторым удивлением спросил он, когда она через двадцать минут подошла отвечать.

– Конечно, Анатолий Петрович, – спокойно сказала Вероника и протянула зачетку.

Прозрачная дверь с легким щелчком закрылась за спиной Вероники.

– Вероника Евгеньевна? Добрый день! Хотите чай или кофе? – спросила девушка в строгом деловом костюме.

– Нет, спасибо.

– К сожалению, Вам придется немного подождать. Вы задержались, и у Петра Афанасьевича очередной клиент.

– Ничего страшного, сама виновата.

– Тогда присаживайтесь, – девушка показала на белое кожаное кресло.

Вероника, кивнув, села и огляделась. Офис нотариальной конторы «П. А. Никифоров и сыновья» был на редкость

обычным. Кулер в углу, стойка с девушкой-секретарем, часы и календарь-трио на стене, какая-то пальма у входа. Вероника вертела в руках паспорт, который ее попросили взять с собой, и пыталась догадаться, зачем ее пригласили сюда. По телефону было сказано туманное «в связи с необходимостью оформления бумаг».

Через несколько минут дверь в кабинет открылась, и оттуда со словами «спасибо Вам, Петр Афанасьевич» вышла какая-то полная дама. Неодобрительно взглянув на Веронику (та была в порванных джинсах, футболке и с красно-черными волосами), она буркнула девушке за стойкой «до свидания» и вышла на улицу. За ней появился сам Петр Афанасьевич, немолодой, стройный мужчина с бородой и в костюме. «Ему бы трубку – и капитан дальнего плавания», – подумала Вероника и улыбнулась.

– Вероника Евгеньевна? Заходите, прошу Вас, – голос у Петра Афанасьевича не подкачал – низкий, бархатистый. Точно капитан.

Вероника прошла в кабинет и остановилась у края огромного, совершенно пустого черного деревянного стола. Петр Афанасьевич, извинившись, отвернулся к металлическому стенному шкафу и начал перебирать какие-то бумаги в выдвижном ящике. Чтобы чем-то заняться, Вероника достала мобильный телефон. Фейсбук, Вконтакте, ничего интересного. Наконец, Петр Афанасьевич нашел то, что искал: на столе текстом вниз очутился лист бумаги. Жестом указал

Веронике на стул, сел сам, положил руки на стол и внимательно посмотрел на нее.

– Скажите, пожалуйста, Вы знаете Анатолия Петровича Веселова?

– Кого?

– Профессора Анатолия Петровича Веселова, преподавателя кафедры истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского Государственного университета.

– А, Прекрасная Дама!

– Что, простите?

– Да, конечно, знаю. Он вел у нас курс лекций.

– Именно. К сожалению, Анатолий Петрович вчера скончался.

– Да Вы что?! – воскликнула Вероника, быстро скинула в ленту «Народ, Прекрасная Дама умер» и вопросительно посмотрела на Петра Афанасьевича. – И?

– Вы указаны в его завещании как единственная наследница всего имущества и денежных средств. Это примерно семь миллионов рублей на банковских счетах, две квартиры в Санкт-Петербурге, участок земли в Ленинградской области и автомобиль. Вам нужно расписаться в том, что Вы ознакомлены с завещанием, остальными юридическими формальностями мы сможем заняться в удобное для Вас время. Кстати, похороны Анатолия Петровича состоятся через два дня, на Серафимовском кладбище, в двенадцать часов.

Петр Афанасьевич перевернул лист, продемонстрировал текст завещания и дал какую-то ведомость. Вероника расписалась в нужных местах и встала. Петр Афанасьевич проводил ее до дверей.

– Всего доброго, Вероника Евгеньевна. У Вас есть моя визитка, у меня есть Ваши контакты. Будем на связи.

– До свидания, Петр Афанасьевич.

Телефон разрывался от оповещений – новость произвела в лентах фурор. Вероника удовлетворенно кивнула и открыла книгу контактов.

– Алло, Руслик? Привет, как твои дела? Слушай, а давай-ка забудем на все и махнем на Ибицу! Деньги я тебе верну, это не проблема теперь. Все в порядке у меня с головой, сейчас приеду, все расскажу. Когда махнем? Да хоть завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.